

Чарская Лидия Алексеевна

Проблемы любви

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Проблемы любви / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 157 с.
ISBN 978-5-521-29774-0

ISBN 978-5-521-29774-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Бобикъ, быстро вскочивъ съ колѣнъ, бросился въ одной рубашенкѣ черезъ столовую, гостиную въ прихожую, слабо освѣщенную одной маленькой лампой.

— Подожди, Бобикъ, простудишься! — кричитъ Тата.

Но онъ не слышитъ... Что-то нѣжное, прелестное, давножданное спѣшитъ къ нему на встрѣчу, хватается на руки и цѣлуетъ, обдавая запахомъ чуднымъ и едва уловимымъ.

— Мама, мама!—шепчетъ онъ, смѣясь и плача...

— Наконецъ-то, а мы ждали, ждали...

Это говоритъ бабушка, прикурнувшая на диванѣ въ «проходной» въ ожиданіи мамы, и теперь такъ смѣшно жмурящаяся отъ свѣта висячей лампы.

— Едва вырвалась... нельзя было!.. А ты уже ложился... милый?

Говоря это, молодая женщина густо краснѣетъ и съ Бобикомъ на рукахъ подсаживается къ чайному столу.

Бобикъ считаетъ маму красавицей, лучше Таты, куда лучше! Въ самомъ дѣлѣ, она очень мила, — эта тоненькая, какъ былиночка, блѣдная и эффектно одѣтая молодая женщина. У нея бѣлые, какъ сахаръ, зубы и порочные глаза, кажущіеся Бобику небесными. Она смѣется заразительно, рѣзкими, дѣтскими звуками и поминутно цѣлуетъ Бобика прямо въ открытый ротикъ.

Бобикъ безконечно счастливъ. Шелкъ маминаго платья пріятно щекочетъ его голыя ножки, а запахъ ея духовъ обдаетъ нѣжной волною.

— Что ты подѣлывалъ безъ меня, милый?

Бобикъ смотритъ на свою нарядную маму широко-раскрытыми влюбленными глазами, и перебирая на ея тонкихъ, нервныхъ пальцахъ дорогія модныя кольца, рассказываетъ, что онъ дѣлалъ.

Сначала въ саду копалъ гряды... Потомъ качался и ушибъ носъ... Только не плакалъ. А Тата испугалась и все хотѣла приложить къ носу большой мѣдный пятакъ... Но онъ не позволилъ... Вѣдь онъ мужчина и долженъ терпѣть. Потомъ они играли въ поѣздъ... Онъ былъ машинистомъ, а Тата кондукторомъ... Ахъ, да, погомъ паукъ, большой... страшный...

— Милый, голубчикъ!..—шепчетъ молодая женщина, вслушиваясь въ его лепетъ, и блаженно смѣется.

Въ немъ ея силы, радость, поддержка... И порочные глаза сіяютъ все ярче и ярче...

Передъ нею чашка душистаго чая.

— Пей-же, Катя,—говоритъ мать.

— Сейчасъ, мамаша! Ну, Бобикъ, вмѣстѣ... — и со смѣхомъ она подноситъ чашку къ губамъ, приглашая Бобика сдѣлать то-же.

— Мама, ты почувешь у насъ?

Смѣхъ разомъ смолкаетъ. Оживленное личико блѣднѣетъ и хмурится.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, милый!

— Но почему?

Онъ готовъ заплакать. Она уйдетъ и снова скучное «одно и тоже»: ожиданіе у окна... поѣздъ... качели... Тата... Богъ съ ними! Ему надо маму... маму...

— Милый, о чемъ?

— Ты не уѣдешь? не уѣдешь!

Слезы переходятъ въ рыданія, рыданія въ стоны.

— Не уѣдешь? не уѣдешь?

Она сама еле сдерживаетъ слезы, и прерывающимся голосомъ общаетъ ребенку привезти завтра конку съ паровозомъ и велосипедъ. Онъ вѣдь такъ хотѣлъ имѣть дѣтскій маленькій велосипедъ!..

— Возьми меня! возьми съ собою! возьми! — твердитъ онъ и смотритъ ей въ глаза такими жалкими, заплаканными кроткими глазами.

— Нельзя, нельзя, милый...

И лицо ея замѣтно блѣднѣетъ и гаснетъ...

Лампада то вспыхнетъ, то потухаетъ... Тата въ бѣлой ночной кофточкѣ съ толстой разметающейся по спинѣ косою, стоитъ передъ божницей и тихо шепчетъ молитвы.

Она всегда очень набожна, эта блѣдная, печальная, строго-красивая Тата. По ея лицу скользятъ и бѣгутъ тѣни...

— Мамочка... маленькій трехколесный съ красненькимъ сидѣньемъ... — шепчетъ въ постели Бобикъ.

Его мама сидитъ на краю его дѣтской кровати, съ которой нарочно сняли синій переплетъ. Они оба теперь успокоились... Только изрѣдка Бобикъ всхлипываетъ нервно, всею грудью, а мама вздыхаетъ... Отблескъ лампы роняетъ лучи на темную каемку ея длинныхъ рѣсницъ... Одна рука ея подсунута подъ спянку ребенка. Другою онъ нѣжно гладитъ его слипшіеся отъ пота кудри.

— Мамочка, съ шинами,—просить мальчикъ.

— Непремѣнно съ шинами,—торопится отвѣтить молодая женщина.

И Бобикъ счастливо смѣется. Ему хорошо и сладко чувствовать подъ собою тонкую пахучую мамину руку, видѣть игру лучей на миломъ, безконечно миломъ лицѣ.

Полусвѣтъ не мѣшаетъ заплаканнымъ глазкамъ. Его клонить ко сну...

А Тата все шепчетъ молитвы.

Бобикъ то закроетъ глазки, то вдругъ широко откроетъ ихъ, чтобы увидѣть еще разъ маму... Она такъ вѣжно смотритъ на него—родная, милая, такая красавица въ этихъ слабыхъ лучахъ.

— Мамочка! — шепчетъ онъ еле двигая губками,—какіе это духи у тебя?

— Ирисъ и вервена, голубчикъ!

— Ирисъ и вервена...—повторяетъ Бобикъ сквозь сонъ.—Ирисъ и вервена... какъ хорошо... вервена... вер-вена...—и сладко засыпаетъ съ дѣтски счастливой улыбкой на губахъ...

II.

Поѣздъ ползетъ, какъ черепаха...

Только-что проѣхали Ланскую.

Молодая женщина тѣсно прижимается къ углу вагона. Колеса стучатъ... Или это ея сердце стучитъ, какъ пойманная пташка?.. Въ открытое окно льется струя чистаго, свѣжаго воздуха... Визави сѣдая въ букляхъ старушка дремлетъ съ болонкой на рукахъ.

— Удѣльная... Опять остановка! О, какъ долго... долго...

«Мамочка съ шинами и съ красненькимъ сидѣньемъ»,—слышится ей звонкій и нѣжный голосокъ сына...

А сердце стучить, неугомонное...

Она его любитъ, горячо, порывисто, какъ только можетъ, способна любить такая женщина, вся сотканная изъ чувствъ и нервовъ. Сегодня она чуть было не сдалась на просьбы ребенка. Но... нѣтъ... Опять муки ревности... отчаяніе...

«Твой сынъ разлучаетъ насъ... Я не переношу его... Ты больше мать,—чѣмъ женщина...»

Этотъ голосъ—«его» голосъ.. Ахъ, зачѣмъ она такъ полюбила этого страстного, жестокаго и чуднаго человѣка!

«Ты мое все!—спять съ поразительною ясностью слышится ей,—я хочу тебя всю, всю безъ изъятія... Или все, или ничего... Ни сына, ни прошлаго...»

И такъ страстно, такъ жутко при этомъ блестять на нее эти два огромные, великолѣпные глаза... Не покориться имъ нельзя... И она покорилась..

О, какая это страстная, стихійная, божественная любовь... Онъ всю ее охватилъ собою, всю заполонилъ, точно калеными звеньями цѣпей, которыя она готова лизать, какъ собака.

Ихъ любовь—сплошная ревнивая мука и невыразимое блаженство!..

До 26 лѣтъ она не знала этого яда, отравившаго теперь всѣ атомы ея души и тѣла... Онъ

разлился по ней и жжетъ ее томительнымъ и сладкимъ огнемъ...

А поѣздъ все ползетъ, какъ черепаха...

— Катя, наконецъ-то, дорогая!

Станція освѣщена слабо, но она сразу узнала его свѣтлый костюмъ, бѣлымъ пятномъ выдѣлявшийся въ сумракъ іюльской ночи.. И эти глаза сіяютъ нестерпимо...

— Наконецъ-то!

Онъ беретъ ея руку властнымъ движеніемъ хозяина. Вѣдь она его принадлежность, собственность.

На балконѣ ихъ маленькой дачи, затонувшей въ кустахъ бузины и сирени, шумитъ самоваръ.

— Дорогая, милая, наконецъ-то!

Она улыбается... Ея пятичасовое отсутствіе измучило его. И это на пятый годъ ихъ связи.

— О, милый, спасибо!

Ея губы тянутся къ нему. Какъ онъ хорошъ съ этой характерной головой сорока восьмилѣтняго красавца, съ этой несгорающей страстью влюбленныхъ глазъ!

Въ его лицѣ безпредѣльная, покорная преданность раба и жуткая любовь властелина. Она смотритъ въ его глаза и невольно сравниваетъ ихъ взглядъ съ дѣтски-чистымъ, невиннымъ и кроткимъ взглядомъ. .

— Мамочка, не уѣзжай! не уѣзжай, дорогая!!-- слышится ей плачь и стоны ребенка.

А молчаливая ночь спускается все ниже и ниже...

— Женщина-самка, женщина-мать есть настоящий и нормальный типъ женщины... Но прежде чѣмъ стать матерью, она становится женщиной... Тебѣ не было дано этого прежде... Материнство поглотило въ тебѣ женщину, но, я думаю, ты могла-бы подѣлать...

— Но, милый...

— Ты безголовая самка по отношенію къ ребенку... Ты не замѣчаешь ни его недостатковъ, ни его дурного начала...

— Но, милый, Бобикъ не дурной ребенокъ ..

— Ты слѣпа въ своемъ чувствѣ и растишь маленькаго демона.

— Но, Сергѣй, будь справедливъ, что ты хочешь отъ пятилѣтняго ребенка, хрупкаго, избалованнаго...

— Да, вотъ именно: избалованнаго...

И за минуту до этого влюбленные глаза полны яда ненависти.

О, этотъ ребенокъ, отнимающій отъ него эту изящную, маленькую женщину! Онъ ненавидитъ его всѣми силами души. Вѣдь бросилъ-же онъ свою семью по одному ея слову, бросилъ своихъ большихъ дѣвочекъ, такихъ умныхъ и милыхъ... А она? О, она слишкомъ мало любитъ его! Еще въ началѣ лѣта ребенокъ жилъ съ ними, отравляя ему минуты отдыха своимъ присутствіемъ. Она таскала его всюду за собою... Во время прогулокъ, ребенокъ не спускалъ съ нихъ глазъ, недоумѣвающихъ и серьезныхъ, лишь только онъ касался его матери или нѣжно заговаривалъ съ нею. Съ трудомъ убѣдилъ онъ Катю отдать Бобика къ бабкѣ на конецъ лѣта...

«Ну,—думалъ онъ,—теперь мое царство».

И ошибся...

Не было дна, чтобы Катя не съѣздила въ городъ къ сыну... По возвращеніи оттуда, ея ласки носили характеръ истеричности... Онъ былъ слишкомъ чутокъ, чтобы не понять ея...

А ночь—темная, благоухающая чуть замѣтной свѣжестью начинающейся осени, окутываетъ ихъ все тѣснѣе и ближе...

— О чемъ ты задумалась?

Она вздрогнула, пойманная на мысли... Ея глаза вспыхнули и заискрились.

— Катя, Катя, да пойми-же, я люблю, мучительно люблю! Всю, всю хочу я тебя цѣлкомъ съ твоимъ сердцемъ драгоцѣннымъ, чуткимъ... Все или ничего!.. Безъ тебя, могила... Катя, вѣдь я почти старикъ... Мнѣ не долго, можетъ-быть, осталось. Такъ не оставляй-же, люби меня, голубка моя милая.

— О, моя радость!

— Катя! Катя!

И новый поцѣлуй... долгій... мучительный...

III.

— Ахъ, Тата, не то, не то... Генераль долженъ ѣхать впереди войска! Развѣ ты не знаешь?

Крупный и нудный дождикъ стучить о крышу бесѣдки... А внутри бесѣдки Тата и Бобикъ, прикрывшись къ круглому столу, разставляютъ оловянное войско. Бобикъ нервень и раздражителень... Онъ плохо спалъ эту ночь и жаловался на боль въ горлѣ... Подъ его голубыми глазами темные круги, придающіе всему личику обликъ страданія...

И новый велосипедъ съ шинами и красненькимъ сидѣньемъ не радуется его... Тата раздражаетъ его... Она никакъ не можетъ понять, что генераль не поѣдетъ сбоку войска... И потомъ онъ такъ хотѣлъ съѣсть натопакаъ грушу, а ему отказали...

Мама вчера была такая блѣдная, грустная и уѣхала гораздо раньше обыкновеннаго... Его укладывала спать Тата... Отчего онъ не можетъ полюбить Тату такъ-же крѣпко, какъ маму?.. Вѣдь Тата не отходитъ отъ него ни на минуту и цѣлые дни играетъ съ нимъ, а мама... Мама играетъ больше съ дядей Сергѣемъ. Бобикъ боится дядю и ненавидитъ его. При немъ онъ не рѣшается цѣловать маму такъ, какъ ему-бы хотѣлось. Глаза дяди Сергѣя такъ сердито смотрятъ на Бобика.—О, противный... гадкій...

И, зарядивъ маленькую пушку, Бобикъ стрѣляетъ въ непокорнаго генерала...

Вошла бабушка.

— Ну, что, моя смиренница?—обращается она къ Татѣ, и обнявъ молодую дѣвушку, вѣжно цѣлуетъ ея бѣлый, спокойный лобъ.

Названіе «смиренница» почему-то смѣшитъ Бобика, возвращая ему его хорошее настроеніе. Онъ смѣется раскатисто-громко и цѣлуетъ Тату тоже въ лобъ, какъ бабушка.

Выглянуло солнышко, прорѣзавъ тучу... Точно улыбка сквозь слезы...

Дождь пересталъ стучать о крышу.

— Глядите, солнышко... Бабушка... Тата! Ну, теперь поспѣетъ нашъ крыжевникъ,—кричитъ Бобикъ и смѣется...

Ему весело... весело...

Мариша, горничная Таты, принесла изъ дома калоши Бобика и, надѣвая на его тонкія, нѣсколько вялыя для его возраста, ножки, прихлопываетъ по подошвамъ, приговаривая:

„Ручкой хлопъ, хлопъ, хлопъ, хлопъ.

Ножкой топъ, топъ, топъ“...

Бобикъ совсѣмъ развеселился и съ громкимъ хохотомъ бѣжитъ отъ нея по сырой еще отъ дождя аллеѣ...

— Гдѣ онъ?

— Сюда... тише... только-что забылся...

— Тата, радость, спаси его!

— Катя! Катя, успокойся! не все еще потеряно, милая...

— Спаси, спаси его...

И, обезумѣвъ отъ горя, она хватается руки, платье младшей сестры и цѣлуетъ ихъ, захлебываясь слезами.

— На вотъ, выпей...

Бѣлые зубы стучать о стекло стакана... Судорога сжимаетъ горло...

— Мама, мама...—слабо доносится изъ спальни.

— О-о!—и молодая женщина, подавивъ стонъ, бросается туда.

Весь въ жару разметался Бобикъ... По приказанію доктора сръзали сегодня его пышные кудри, и безъ нихъ онъ напоминаетъ маленькаго, слабого, еще не оперившагося птенчика. Его лицо пышетъ жаромъ. Ротикъ жадно глотаетъ черезъ силу воздухъ.

— Мама!